

БЕЛОЕ

ДВИЖЕНИЕ

Колчак
и другие

Самая полная книга
о людях, бросивших
вызов всему миру

ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ БИОГРАФИИ

А. Марыняк
Андрей Кручинин
В. Цветков
Е. Комаровский
Н. Кузнецов
Н. Калиткина
Роман Абинякин
Ю. Трамбицкий

Белое движение. Том 1
Серия «Эксклюзивные биографии»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/23215217>

Белое движение. В 2-х томах. Том 1: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-100749-2

Аннотация

<p>«Белое движение» – самая полная книга о людях, бросивших вызов всему миру. Беспристрастная хроника незапятнанной борьбы, обреченной на провал.</p> <p>На страницах книги слова Деникина и Краснова, Алексеева и Унгерна, Балаховича и Гайде и многих других – тех, кто сражался

под их началом, кто был свидетелем их дел, кто запечатлел их для нас и для истории.</p>

Содержание

«Генерал Харьков»	6
Генерал-от-инфантерии Л. Г. Корнилов	19
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Белое движение. В 2-х томах. Том 1

Иллюстрации на страницах 124, 134, 202, 219, 268, 675, 681 предоставлены Домом Русского Зарубежья им. А. Солженицына.

«Генерал Харьков» (вместо предисловия)

Рассказывали, будто в 1919 году, в британском парламенте и чуть ли не самим премьер-министром Д. Ллойд-Джорджем, была произнесена историческая фраза о помощи «русским генералам Колчаку, Деникину и Харьковому». Она вошла в поговорку, стала предметом многочисленных злорадных цитирований – например, английская дама из «Университетской поэмы» Набокова, очевидно, вслед за главою кабинета,

*... полагала, между прочим,
что Харьков – русский генерал, –*

и превратилась в символ очередной европейской безграмотности, своего рода «развесистую клюкву» XX века.

Но вправе ли мы потешаться над нею?

Британского политика, в общем, можно понять: когда же это Европа, в роли союзницы или противницы, входила в дела своей великой соседки настолько глубоко, чтобы не путать имена и названия, не говоря уж о понимании смысла происходивших в России событий? И не более ли жалкими выглядим мы сами, в течение долгих десятилетий лишённые знания о своей собственной истории – о самых ее драматических, переломных моментах? И если нас хватает на то, что-

бы посмеяться над анекдотическим «генералом Харьковом», – не возмещается ли это легкостью и готовностью, с которой заглатывается любая «развесистая клюква» из скороспелых сочинений, изготовляемых на потребу читающей публики чуткими к переменам авторами?

Да и насколько велики перемены?

Мы еще помним то время, когда трудно было представить себе саму возможность издания в России массовыми тиражами мемуаров участников Белого движения и литературы о нем (исключая, конечно, неперенные «крах...» и «агонию...»). Сейчас отошел в прошлое заговор молчания вокруг многих имен, событий, проблем отечественной истории. Но до чего симптоматично, что первые же шаги в этом направлении сопровождались звучащим до сих пор рефреном многоголосого хора: «Не надо... не надо... не надо менять плюсы на минусы!»

Разумеется, приспособленчество и хамелеонство всегда отвратительны и редко приводят к научным и литературным удачам, и вряд ли может вызывать уважение человек, сегодня восхваляющий Колчака, а два десятилетия до этого не просто бывший «продуктом», членом «советского общества» (какими были и многие из нас), но занимавший видное место в *идеологизированной историографии* и приложивший руку к *воспитанию* и *формированию* других «советских людей» своими сочинениями о «красных героях» – победителях «белогвардейщины». Но речь сейчас не о таких. Речь

о том, что осуждению и сегодня то и дело продолжают подвергаться попытки как раз непредвзятого взгляда на события Гражданской войны, попытки показать, что изучение ее необходимо начинать с новой, чистой страницы, ибо *истории Гражданской войны у нас все еще нет*.

Практически все, что писали советские авторы, обладает принципиальным пороком: идеологизированность новейшей истории жестко определяла выводы и заключения, к которым они *обязаны* были придти, в то время как подлинные выводы могут и должны рождаться лишь «сами собой», из разработки, осмысления и анализа громадного объема фактического материала (если угодно, «переходом количества в качество»). В советской же исторической науке факты становились лишь иллюстрацией к заведомо известной схеме, а в результате изучение истории оказывалось настолько не в чести, что выдержавшая два издания энциклопедия «Гражданская война и иностранная военная интервенция в СССР» (что за дикое название! – СССР был образован в декабре 1922 года, а в качестве границ Гражданской войны советская историография устанавливает «1918–1920») не дает исчерпывающей картины даже структуры и состава Красной Армии, не говоря уже о «лагере контрреволюции». И все издания советских мемуаров, сборники документов, так же как и более или менее удачные, но почти всегда избегающие конкретики исторические сочинения, – суть только *материалы* для той Истории Гражданской войны, которую еще предсто-

ит написать.

Кстати, в этом отношении (и не только в этом!) гораздо более чуткими и сочувственными были авторы «противоположной стороны» – Белой эмиграции: не случайно ряд работ по истории Белого движения скромно помечен «материалы к...», а их авторы определяют себя всего лишь как «составители» в противоположность не только «бывшим» советским, но и многим сегодняшним историкам, заботливо и горделиво снабжающим свои сочинения подзаголовком «монография».

На самом деле, история Русской Смуты XX столетия действительно полна темами и эпизодами, достойными монографических исследований. Беда лишь в том, что, быть может, по «официально-исторической» инерции, боясь обвинения в «мелкотемье», ныне многие стремятся к обзорным и обобщающим темам, в то время как обобщения в большинстве случаев преждевременны, коль скоро не разработана еще источниковая база и постыдно неостребованным остается громадный архивный материал – не «за горами, за долами, за широкими морями», во Франции или Америке, а здесь, в России. И все без исключения сегодняшние работы, на наш взгляд, – лишь первые шаги на длинном и трудном пути.

Но и их подчас нельзя сделать без того, чтобы не услышать окрика со стороны. Делая обзор современной историографии Белого движения, его авторы скептически ци-

тируют свидетельство биографа одного из Белых генералов (неважно, чье и о ком): «Изучая историческую литературу, мемуары, советские и зарубежные архивы, я, сталкиваясь постоянно с лавиной позитивной информации об этом человеке, пытался найти какие-либо свидетельствующие против него лично сведения, – дабы избежать расхожего обвинения в идеализации. Но тщетно! Таких сведений, по всей очевидности, просто нет». И «надсмотрщики»-историографы готовы, кажется, проигнорировать первую часть цитаты – о серьезной и кропотливой работе как единственном источнике любых возможных оценок – во имя, вольного или невольного, установления нового тоталитаризма в исторической литературе: раньше следовало клеймить Белых воинов как «аристократов», «эксплуататоров» и «врагов рабочих и крестьян», а теперь, когда миф понемногу развеивается, – наверное, как каких-нибудь «врагов демократии» и снова чьих-нибудь «притеснителей». А если исследователь не находит об этом «притеснительстве» фактических материалов? Тем хуже для исследователя вкупе с материалами – ему грозит немедленное обвинение (по эмоциональной шкале – от надменного высокомерия до личной неприязни) в упомянутой «идеализации» или в том, что он, исследователь, «буквально “раздавлен” своим героем». Не милосерднее оказываются и представители консервативно-монархического направления современной историографии и исторической публицистики: сами не просто гонимые, а решитель-

но «запрещенные» в советские времена, они сегодня, кажется, не прочь соединиться со своими вчерашними гонителями и запретителями в нападках на Белое движение, которое для них выглядит, наоборот, чересчур «либеральным», «демократическим», а то и, не мудрствуя лукаво, – «масонским». «В кольце событий, сменяющих друг друга, одно ясно – Турбин всегда при пиковом интересе, Турбин всегда и всем враг», – эти горькие слова из черновиков булгаковской «Белой гвардии» актуальны и поныне: белогвардеец Турбин продолжает подвергаться ударам и «справа», и «слева».

Будем надеяться, что большинство этих ударов и нападков проистекает из-за отсутствия информации о предмете спора. Вырванная из контекста цитата, непроанализированное свидетельство, неверно прочитанный документ, забвение принципов критики исторического источника позволяют недобросовестному или «добросовестно заблуждающемуся» из-за своей ангажированности, не идущему дальше первых шагов автору проиллюстрировать едва ли не все что угодно. Как ни парадоксально, но материал для этого нередко давали... сами Белые мемуаристы, в силу своей честности и совестливости не скрывая темных сторон всероссийского кровопролития и преступлений представителей своего собственного лагеря, а нередко и акцентируя на них внимание. Это давало возможность советским «историкам» (здесь заключим это слово в кавычки) торжествующе цитировать: «даже белогвардеец (имярек) признавал, что...», причем цитирующе-

го уместно уподобить разбойнику-душегубу, который, глядя на схимника, повторяющего Иисусову молитву (Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго), – причитает: «Посмотрите только на этого грешника!»

Значит ли это, что все так уж плохо? Хочется думать, что нет; что история Отечества не станет в очередной раз игральницей темных страстей; что времена, когда можно написать книгу о генерале Деникине, не удосужившись ознакомиться с его фундаментальными «Очерками Русской Смуты» (или ничем не проявив этого знакомства), все-таки мигают; что, когда отхлынут мутные волны конъюнктурной «словесности», останутся те, кто ставит своей задачей кропотливую научную работу; что интерес читателей к одной из самых трагических страниц прошлого России не насытится скороспелыми поделками и подделками... Но если это и не так и надежды эти ложны, – все равно задача восстановления правды останется насущной и неотменяемой. Тогда нам останется хотя бы «хоронить своих мертвецов».

Одним из шагов на пути изучения Русской Смуты стало и составление настоящего сборника биографий видных военачальников Белого движения. Выбор персоналий определялся, впрочем, не только их личной ролью и значимостью для дела, которому они служили, но и нашим стремлением отразить с возможной полнотой различные события, периоды, этапы движения в целом. Разумеется, создание всеобъемлющей «Истории Белого движения в жизнеописаниях» пред-

ставляет собою работу, превышающую нашу нынешнюю задачу, и всегда можно найти имя или событие, не нашедшее места на этих страницах; но общий ход боевых действий, принципы государственного строительства, наиболее значимые конфликты, как личные, так и более крупного масштаба, – мы постарались здесь отразить.

История Белого движения все еще полна «белых пятен», и многое уже никогда, быть может, не станет известным (отметим, что мы не разделяем популярных сегодня упований на некие таинственные «чекистские архивы», в которых «все-все есть», но которые никому не доступны); отсюда, не желая выдавать догадку за реальность, предположение – за достоверность, реконструкцию событий – за их документированное изложение и особенно опасаясь вступать в область домысливания душевных движений наших героев (область, где все версии наиболее зыбки), мы предпочитаем в ряде случаев оговаривать предположительность избранных нами версий. Поэтому пусть читателя не смущают многочисленные «быть может», «кажется», «возможно», «есть основания полагать» и проч. – хуже было бы, если бы на их месте стояли мнимо-незыблемые утверждения.

Стремясь уменьшить долю собственных предположений и реконструкций, неизбежных в любой историографии, мы чаще, чем это было принято у советских авторов, прибегаем к цитированию источников. Нередко считалось, и эта «традиция» далеко еще не преодолена, что вместо «прямой ре-

чи» лучше пересказать источник, хотя тем самым не только создаются условия для ошибок, подтасовок, неверных прочтений, но и утрачивается дух эпохи, яркость свидетельств, живость полемики, которую продолжают вести на страницах книг и листах архивных документов давно ушедшие в мир иной участники «великих потрясений» России. Именно поэтому мы и постарались предоставить слово им самим – Деникину и Краснову, Алексееву и Унгерну, Балаховичу и Гайде и многим другим – тем, кто сражался под их началом, кто был свидетелем их дел, кто запечатлел их для нас – и для Истории.

Тем же вызвано и употребление терминов, оборотов, форм, которые, будучи свойственными описываемой эпохе, должны сохраняться в относящихся к ней текстах, даже если сегодня на первый взгляд и могут показаться непривычными: «Белое Дело» и «Белая борьба», «Великая война» (о Первой мировой, которую тогда называли и Второй Отечественной), «Генерального Штаба полковник» и «Лейб-Гвардии в Преображенском полку» (именно в такой последовательности), «Ахтырцы» или «Дроздовцы» (с заглавной буквы – о чинах соответствующего полка), «большевицкий» (как производное от «большевик», а не «большевик» – ср. «дурацкий», «мужицкий»), «советская дивизия», «обеспечить фланг» или «участок» и проч.¹ Избегали мы и

¹ Самостоятельной проблемой становится календарный стиль. В тех случаях, где он специально не оговаривается, мы употребляем «старый» (юлианский) –

нарочитого осовременивания речи, не следуя сегодняшней моде, принуждающей услужливо вписывать «рэкеты», «рейтинги», «паханов» в повествования о Гражданской войне (не анекдот, а реальные факты). В наши дни, когда нас поистине яростно, исступленно и... небезуспешно стремятся лишить русского языка, приучая к отвратительному полууголовному жаргону, наши принципы, даже если и покажутся несколько старомодными, конечно, не смогут оттолкнуть вдумчивого читателя.

Читателя не остановит и то, что при подготовке книги мы сознательно отказались от «унифицирования» текстов, «нивелирования» авторских позиций. Предлагаемый сборник – не «коллективная монография»: каждый из авторов имеет свой собственный, индивидуальный взгляд на события и на своих и чужих персонажей, не всегда совпадающий со взглядами, изложенными в других очерках. Безусловно объединяющим остается – и мы не собираемся скрывать этого – лишь пиетет по отношению к нашим героям.

«Героев своих надо любить; если этого не будет, не советую никому браться за перо – вы получите крупнейшие неприятности, так и знайте», – писал Михаил Булгаков, и заповедь эта вполне приложима не только к художественной

когда речь идет о событиях дореволюционных и происходивших на Белом Юге (где был принят именно этот календарь) по «врангелевскую эвакуацию» 3 (16) ноября 1920 года включительно; для остальных регионов России и зарубежья, начиная с 1 (14) февраля 1918 года, используется «новый» (григорианский). – А. К.

литературе. Открыто исповедуя свою веру, мы не идем по пути советской историографии, в повествованиях о Гражданской войне ханжески рядившейся в тогу «объективности» и «академизма», а на деле политически ангажированной и исполненной злобы. Не хотим мы уподобляться и тем сегодняшним авторам, кто, по непонятным для нас причинам взявшись за «белогвардейскую» тематику, не может скрыть высокомерного презрения или упоенности собственным мнимым превосходством над «объектами» своих литературских упражнений. Разумеется, все это не означает, что какие-либо эпизоды жизни наших героев или аспекты их деятельности остаются «неприкасаемыми», «запретными» (хотя одно безусловно: мы стремились не лезть в их частную жизнь в столь привычной сейчас развязно-любопытствующей манере), не подлежащими критике или рассмотрению. В человеческих душах очень часто живут рядом злое и доброе, высокое и низменное, – тем более это касается столь ярких, незаурядных личностей, оказавшихся в столь экстремальных условиях, о каких идет речь в настоящем сборнике, – и все, как светлые, так и темные страницы должны быть прочитаны.

Ограниченные объемом и издательскими соображениями, стремясь не перегружать текст и не затруднять восприятия неподготовленному читателю, мы вынуждены были отказаться от помещения справочного аппарата (ссылок) и сейчас можем лишь выразить благодарность сотрудни-

кам тех архивов и книгохранилищ, с материалами которых мы работали: Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного военного архива, Российского государственного архива Военно-Морского Флота, Российского государственного архива кинофотодокументов, Российской государственной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки России, Дома Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына. Для предупреждения же возможной недобросовестной критики сразу хотим подчеркнуть: *каждое* утверждение, приведенный факт, версия основаны на архивных и печатных источниках, документах, мемуарах, исторических трудах. Еще раз признавая, что работа по написанию истории Гражданской войны только начинается и полемика, размышления, альтернативные версии происшедшего не только возможны, неизбежны, но и необходимы, – мы тем не менее заверяем в обоснованности и документированности своих версий, часто опирающихся в буквальном смысле слова на тысячи листов архивных документов, до нас никем не востребованных.

И в заключение, еще раз задумываясь о прихотливом ходе Истории, неожиданно позволяющей пробиться к читателю давно замолчанным фактам и оболганным именам, – спросим себя, не пророческими ли были строки белогвардейского поэта, подъесаула Николая Туроверова, в далеком 1936 году напечатанные в «деникинской» парижской газете «Доб-

роволец»:

*Пока нам дорог хмель сражений,
Походов вьюги и дожди,
Еще не знают поражений
Непобедившие вожди.*

Не «генерал Харьков», а подлинные вожди; русские вожди; вожди Белого Дела.

И неужели же нам все-таки придется лишь «хоронить своих мертвецов»?

А. С. Кручинин

Генерал-от-инфантерии Л. Г. Корнилов

Что́ есть человеческая жизнь в многовековой череде событий истории?.. Что значит для истории один человек, скованный рамками условностей, принципов, постулатов и социальных установок, зачастую вынужденный подчиняться помимо своей воли и желания бешеному водовороту событий, войн, встреч, праздников, буден, радостей и горя?.. Иному времени уготованы титулы почетные и праведные, иному – клеймо палача и тирана. Иному – место властителя человеческих дум, иному – гласа совести народной... Один под напором орущей и беснующейся толпы отрекается от своих идеалов, другой идет за них на смерть. Одного восхваляют на всех углах, но имя его забудет неумолимая История. Другой же, оклеветанный и непонятый современниками, останется в ней навсегда, как маленькая яркая звездочка на небосклоне...

Корнилов... Весь «советский» период истории России имя это ассоциировалось с черным клеймом «злейшего врага трудового народа», «белогвардейского отребья»... Но стоит только почитать воспоминания о нем современников, попытаться понять важность его географических исследований, осмыслить вехи начатого им Белого Дела, и ярким светом засияют грани судьбы этого замечательного человека и воина. Блестящий офицер, храбрейший полководец, талантливый исследователь-первопроходец и этнограф, наконец, незыблемый символ антибольшевицкого сопротивле-

ния. Все это – Георгиевский кавалер, генерал-от-инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов.

* * *

18 августа 1870 года, в день Святых Флора и Лавра, в Западной Сибири в семье мелкого чиновника, выслужившегося из нижних чинов отставного хорунжего станицы «Каркаралинской» Сибирского Казачьего Войска, родился сын, нареченный Лавром. Мать его была казачкой станицы «Кокпектинской», и кроме Лавра в семье было еще двое детей – сын Петр и дочь Анна.

Кочевая служба отца приучает мальчика с детства переносить суровый сибирский климат, вырабатывает настойчивость, силу воли, наблюдательность. Его отец сам ведет все свое небольшое хозяйство – сеет, ходит за сохой, косит. С девяти лет маленький Лавр начинает свое образование в приходской школе. Вскоре семья переезжает через Прииртышскую степь в Зайсан. Ненасытный в любознательности Лавр, готовясь к поступлению в кадетский корпус, читает книги даже при свете костра, когда в ночном стережет лошадей. В 1883 году он едет в Омск и становится кадетом, впервые надев погоны.

Кадет Лавр Корнилов в 1889 году первым заканчивает 1-й Сибирский Императора Александра I кадетский корпус и поступает в Михайловское артиллерийское училище в Санкт-

Петербурге. Настойчивый и независимый, он в числе лучших учеников. Однокашники его любят, преподаватели видят в нем задатки прекрасного офицера. Начальник училища генерал Чернявский помогает Лавру Корнилову закончить училище, встав на его защиту, когда юнкеру грозит увольнение за независимый нрав и острый язык. Юнкер Лавр Корнилов – первый из михайловцев в выпуске 1892 года. Имея преимущество выбора вакансии в полк, он не ищет престижной службы в гвардии или «хорошей» стоянки в больших городах. Получив офицерский чин, Лавр Георгиевич просит зачислить его... в Туркестанскую артиллерийскую бригаду и уезжает в Среднюю Азию. Подпоручик Корнилов честно служит и усердно занимается для поступления в Академию. Он изучает местные языки, обычаи и нравы. Любим солдатами и уважаем местными жителями. Чтобы помогать старому отцу, дает частные уроки. В 1895 году молодой офицер первым выдерживает экзамен и поступает в Императорскую Николаевскую Академию Генерального Штаба. Спустя три года поручик Лавр Георгиевич Корнилов заканчивает ее с малой серебряной медалью.

Тяга к знаниям у молодого обер-офицера столь велика, что еще будучи юнкером военного училища, чтобы платить за дополнительные уроки иностранного языка, Л. Г. Корнилов берет платные заказы на чертежи. Впоследствии он изучает, помимо европейских, еще и ряд восточных языков.

Отказавшись от службы в Генеральном Штабе, он, вдох-

новляемый опасностями и загадками Туркестана, вновь отправляется на Восток. В том же 1898 году Корнилов прибывает в город Термез на афганскую границу, в распоряжение известного исследователя Азии генерала М. Е. Ионова.

Генерала сильно беспокоила построенная с помощью англичан афганская крепость Дейдади, что в ущельи Гиндукуша, в 50 верстах от границы на пути в Кабул. Ее вооружение и укрепление были полной тайной для русских, а все попытки разведчиков проникнуть в крепость кончались печально – их сажали на кол. Лавр Георгиевич просит у генерала три дня отпуска и, никому ничего не говоря, переодетый скачет с тремя туркменами к крепости. Побрив голову, надев туркменский халат (пригодились унаследованные от матери восточные черты лица), с револьвером в кармане, он говорит спутникам, что живым в плен не попадет: «Последняя пуля – себе». Они переплывают на бурдюках бурную Аму-Дарью. Прекрасно владея местным наречием, Л. Г. Корнилов успокаивает подозрительность часового почтительным поклоном и уверенным ответом: «Великий Абдурахман, эмир Афганистана, собирает всадников в конный полк. Я еду к нему на службу». – «Да будет благословенно имя Абдурахмана», – говорит воин-афганец, не подозревающий, что богато одетый всадник и его сопровождающие – русские разведчики.

...К концу третьего дня капитан Л. Г. Корнилов, проскакав сотни верст, вручает генералу Ионову фотографии, план крепости и дорог. «Но ведь Вас могли посадить на кол», –

воскликает генерал. «Я это знал», – слышит он в ответ. Генерал представляет храбреца к ордену Святого Владимира IV-й степени с мечами (боевая награда в мирное время!), но вместо этого капитан получает выговор с обещанием посадить его на 30 дней на гауптвахту за самовольную отлучку за границу. Этот подвиг и рекордный пробег в 400 верст за три дня сразу выдвигают молодого офицера Генерального Штаба, и ему отныне дают серьезные и ответственные поручения.

Как географ и этнограф в 1899 году Л. Г. Корнилов обследует район Кушки в направлении на Герат и Мейман. Затем полтора года, невзирая на невообразимые лишения, изучает Кашгарию. С поручиком Кирилловым и несколькими казаками он проходит вдоль и поперек выжженную солнцем страну, нанося на карту извилины дорог, русла рек, колодцы и т. д. Возвратившись из полной опасностей и лишений экспедиции, Корнилов пишет и издает книгу «Кашгария или Восточный Туркестан», равную по научной ценности трудам знаменитого путешественника генерала Н. М. Пржевальского. Позже на протяжении месяцев занимается исследованием и описанием областей Восточной Персии – Хоростана и Сеистана, куда до него не проникал еще ни один европеец. В 1901 году Л. Г. Корнилов отправляется в новое опасное путешествие и проходит неисследованную до него и остававшуюся белым пятном на карте Персии «Степь Отчаяния» – Дашти-Наумед. Ни один путешественник до той поры не

вернулся оттуда. В течение 7 месяцев Корнилов с двумя казаками и двумя туркменами, исходив «Степь», наносит на карту дороги, караванные пути, развалины древних городов, изучает нравы местных кочующих племен.

В Ташкенте Лавр Георгиевич женится на Таисии Владимировне Марковиной и везет молодую жену в свадебное путешествие... в пустыню – в очередную служебную поездку! По дороге вдруг выясняется, что новобрачная потеряла свое обручальное кольцо. Л. Г. Корнилов поворачивает караван обратно и после долгих поисков, пройдя много верст, находит кольцо в безбрежной песчаной пустыне! (Оказалось, на последней остановке при умывании кольцо соскользнуло с пальца жены.)

С 1902 года подполковнику Л. Г. Корнилову поручается редактирование секретного издания Штаба Туркестанского военного округа под названием «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом», где помещаются отчеты о некоторых из его экспедиций.

Заглянем в послужной список Лавра Георгиевича: в течение года он командует ротой. С 11 августа 1899 года – помощник старшего адъютанта Штаба Туркестанского военного округа; с 19 октября 1901-го – штаб-офицер для поручений при Штабе Туркестанского военного округа; с 13 июня 1904 года – столоначальник Главного штаба. В 1903 году Л. Г. Корнилов отправляется в Индию для изучения местных языков, нравов и обычаев. Русско-Японская война за-

стает его в Белуджистане. После долгих хлопот, 30 сентября 1904 года Корнилов получает разрешение перейти в Действующую Армию, в штаб 1-й стрелковой бригады, с которой и участвует в боях под Сандепу, Мукденом и Телином.

Ученый и этнограф, Л. Г. Корнилов блестяще выдерживает и офицерский экзамен на прочность, устроенный ему судьбой в боях с японцами. При отходе от Мукдена его ослабленная потерями бригада остается в арьергарде, обеспечивая отход 2-й Маньчжурской армии. У деревни Вазые бригада попадает в окружение. Ночью Корнилов воодушевляет подчиненных и ведет их в штыковую атаку, внезапным ударом обращая японцев в бегство. Плотное кольцо врага разорвано, и считавшаяся уже погибшей бригада присоединяется к армии. Наградой Лавру Георгиевичу был орден Святого Георгия IV-й степени. Высочайший приказ так описывает его подвиг:

«...25 февраля 1905 года, получив приказание отвести от Мукдена собравшиеся к Мукденской станции из разных отрядов 1, 2 и 3 стрелковые полки, понесшие в предшествовавшие дни большие потери в офицерских и нижних чинах, подполковник Корнилов, достигнув окрестностей деревни Вазые, около 3 часов пополудни занял здесь позицию и в течение 4-х часов удерживал натиск противника, обстреливавшего наше расположение сильнейшим артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем; за это время выбыли из строя 2 командующих полками, а во 2-м стрелковом полку

остались лишь 3 офицера.

Выдерживая натиск противника, подполковник Корнилов собрал нижних чинов разных частей, отступавших кучками и поодиночке, отправляя их на север вдоль железной дороги. Им было принято под охрану знамя 10-го стрелкового полка, следовавшее с малым конвоем отдельно от полка, и забраны оставленные пулеметы. Около 7 часов вечера, пропустив значительную массу отходивших нижних чинов разных частей и обеспечив таким образом их отход, подполковник Корнилов приступил к очищению своей позиции. Деревня Вазые была в это время почти окружена противником. Усиленный огонь наших стрелков и атака в штыки 5-й роты 3-го стрелкового полка заставила японцев раздвинуться и открыть дорогу отряду подполковника Корнилова, вынесшему знамена, пулеметы и всех своих раненых и в порядке отступившему на север вдоль железной дороги».

За боевые отличия в 1905 году Л. Г. Корнилов был произведен в полковники, а после заключения мира – 1 мая 1906 года назначен делопроизводителем Управления генерал-квартирмейстера Генерального Штаба. По служебным делам он выезжает на Кавказ, в Туркестан и в Западную Европу. С 1 апреля 1907 года Корнилов – военный агент (атташе) в Китае. Отказавшись от перевозочных средств, верхом на коне с тремя ординарцами-казаками проезжает он весь путь от Иркутска до Пекина (в Штабе Иркутского военного округа вплоть до 1920 года хранилось седло Л. Г. Корнило-

ва).

Жадно впитывая новую культуру и совершенствуясь в языке, Лавр Георгиевич собирает книги, рукописи, ковры, эмаль, богатейшую коллекцию китайских божков. Знакомится с выдающимся синологом Шкуркиным и часто бывает у него дома. Последний посвящает офицера в тонкости китайского языка. Китайцы дружелюбно относятся к русскому атташе, но не открывают ему своих военных секретов.

Об одной блестяще проведенной Корниловым разведывательной операции сохранился рассказ, звучащий, как легенда. Русскому командованию стало известно, что китайцы в строжайшем секрете готовят в отдаленном городке особый отряд войск, обучаемый европейским приемам боя. Корнилов, переодевшись в пышный наряд китайского мандарина, едет туда. Его принимают как посланника самого «сына неба» – Богдыхана. Лавру Георгиевичу оказываются всечестские почести, ему подробно докладывают об успехах, и весь отряд проходит перед ним церемониальным маршем. По окончании парада Корнилов произносит по-китайски речь, благодарит за оказанный прием и благополучно возвращается в посольство, завершив свою миссию.

В 1907 году Л. Г. Корнилов награжден за боевые отличия Золотым Оружием. 24 февраля 1911 года его назначают на должность командира 8-го пехотного Эстляндского полка, стоявшего под Варшавой, но уже 3 июня Корнилов получает должность начальника 2-го Заамурского отряда Отдель-

ного корпуса пограничной стражи, в состав которого входят два пехотных и три конных полка. В том же году Л. Г. Корнилов произведен в генерал-майоры.

В 1912 году по приказу начальника округа генерал Корнилов производит дознание о злоупотреблениях интендантства и о снабжении войск недоброкачественными продуктами, после чего дело передается военному следователю. По постановлению прокурорского надзора к следствию привлекаются в качестве обвиняемых некоторые начальствующие лица. Министр финансов Коковцов, в ведении которого находились пограничные войска, всячески пытался скрыть недостатки в своем ведомстве и добился Высочайшего повеления о прекращении следствия. Начальник округа генерал Мартынов подал прошение об отставке, генерал Корнилов по личному ходатайству 4 июля 1913 года был переведен на должность командира расквартированной во Владивостоке 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии.

* * *

19 июля 1914 года Россию всколыхнула весть об объявлении Германией войны. В этот же день генерал Л. Г. Корнилов, следуя мобилизационному предписанию, убывает на Западный фронт. Проехав от Тихого океана до Карпат, он временно принимает под свое командование 48-ю пехотную дивизию, в составе которой – полки, носящие прославлен-

ные «суворовские» имена – 189-й Измаильский, 190-й Очаковский, 191-й Ларго-Кагульский и 192-й Рымникский.

Уже 27 августа судьба испытывает генерала на прочность. XXIV-й армейский корпус, правым флангом выдвинувшийся вперед, был охвачен австрийцами, атаки которых следовали одна за другой, угрожая прорвать фронт на участке 48-й пехотной дивизии. Когда под натиском врага дрогнула одна из частей, потерявшая всех офицеров, Л. Г. Корнилов лично ведет в контратаку последний резерв – усиленный пулеметами саперный батальон. Под ним убита лошадь, но он опять впереди. На короткое время противник остановлен, но вновь обойденные русские полки вынуждены отступить, потеряв около тридцати орудий, немало солдат и офицеров.

Командовавший тогда соседней 4-й стрелковой бригадой генерал А. И. Деникин объяснял неудачу тем, что «дивизия и ранее не отличалась устойчивостью. Но очень скоро в руках Корнилова она стала прекрасной боевой частью». Не раз впоследствии Антон Иванович, искренне восхищаясь, подчеркивал командирские качества Корнилова: «умение воспитывать войска, личная его храбрость, которая страшно импонировала войскам и создавала ему среди них большую популярность, наконец, высокое соблюдение воинской этики в отношении соратников – свойство, против которого часто грешили многие начальники». С 11 сентября 1914 года Л. Г. Корнилов командует 1-й бригадой 49-й пехотной дивизии, а 30 декабря принимает под свое командование 48-ю пехот-

ную дивизию.

Наступая, дивизия Корнилова пробилась через Карпаты. Однако соседним соединениям не удалось развить успех, и передовой русский отряд вынужден был отступить под натиском опомнившихся врагов. Единственная свободная крутая горная дорога была занесена снегом, а у местечка Сины ее перекрыли австрийские части. Чтобы вывести артиллерию, генерал собрал около батальона пехоты и предпринял контратаку. Дивизия не только вырвалась из окружения, не потеряв ни одного орудия, но и опрокинула два вражеских полка, захватив более 1 200 пленных с генералом. Во время операции в Карпатах в боях 15–16 января 1915 года дивизия Л. Г. Корнилова овладела перевалом Черемша, взяв до 3 000 пленных. За геройские действия 15 февраля 1915 года Корнилов был произведен в генерал-лейтенанты, а его дивизия стяжала громкое наименование «Стальная».

Л. Г. Корнилов всегда на передовой. Он всегда хочет сам видеть и знать, что делает враг и готовы ли его части к решительным действиям. В одном из боев генерал вдруг спрашивает у своего начальника Штаба: «Что случилось в Очаковском полку?» – «Связь потеряна, провод перебит», – отвечает тот. «Послать подкрепление, австрийцы обходят наш левый фланг». Помощь приходит вовремя. В Штабе недоумевают, как генерал узнал об обходе. Оказывается, в бинокль он видел, как несколько наших солдат вдруг резко поменяли направление стрельбы – значит, обход!..

Дивизии поставлена задача перейти на противоположный берег реки Сан. В этих боях она попадает в окружение. Мало патронов, солдаты устали от непрерывных боев. Вновь русские войска вынуждены пробиваться, причем два последних резервных батальона ведет в штыковую сам начальник дивизии. Кольцо вновь разорвано, и дивизия с честью выходит из тяжелой ситуации. Существуют, впрочем, и негативные оценки действий Лавра Георгиевича: как писал генерал А. А. Брусилов, во время действий на карпатском театре военных действий Корнилов «не исполнил приказа своего корпусного командира и, увлекшись преследованием... был окружен и с большим трудом пробился и вернулся тропинками обратно, потеряв всю артиллерию и часть обоза».

В марте того же 1915 года Л. Г. Корнилов отличился при прорыве позиций 3-го австро-венгерского корпуса и в бою у высоты 650, господствовавшей над всеми окрестными дорогами. Многократные попытки овладеть ею не приводят к успеху. Корнилов мрачен. Каждый подступ к горе известен и нанесен на карту, известно количество войск противника и их вооружение, но вершина недоступна. Генерал лично допрашивает пленных, внимательно вслушиваясь в каждое их слово. Вскоре лицо его веселеет, и предпринятая по плану Корнилова новая атака приносит желаемый успех – высота взята, захвачены пленные и вооружение.

Но завершается боевая деятельность генерала Корнилова в Галиции трагично. В конце апреля 1915 года его 48-я

дивизия занимает позиции на левом фланге укрепленного участка в 30 верст, к юго-западу от Дуклы. После разгрома III-й армии русских на Дунайце противник ведет мощное наступление на Львов и Перемышль и выходит во фланг и тыл XXIV-го корпуса, вынудив наши войска оставить позиции на линии Тарнов – Горлице. 48-я дивизия отходит на 25–30 верст и занимает новые, неукрепленные позиции. Вскоре Л. Г. Корнилов получает распоряжение отступить еще на 15–20 верст. Не имея информации от соседей, он ждет приказаний о переходе в контратаку во фланг оттесняющему наши части врагу и теряет время для вывода своей дивизии из окружения. Между Зимградом и Дуклой, у деревни Ивна, обозы отступающих русских войск окружены врагами. Генерал Корнилов не был бы самим собой, если бы не попытался прорваться из кольца. Ведомая своим командиром, дивизия идет на прорыв, но счастье улыбается только 191-му пехотному Ларго-Кагульскому полку и батальону 190-го пехотного Очаковского. Они и выносят все знамена дивизии. Дерущийся в арьергарде батальон 192-го пехотного Рымникского полка гибнет почти полностью. С рассветом 25 апреля противник обрушивается на остатки русских частей.

Раненный в голову и руку Корнилов, не желая сдаваться, с горсткой солдат уходит в горы, пытаясь пробиться к своим. Через пять дней, 29 апреля, «Орлиное гнездо» взято австрийцами, и его обессиленные защитники попадают в плен. Их только семеро – генерал Корнилов, пять солдат и сани-

тар...

В ходе боев дивизия Корнилова потеряла около 5 000 человек из 7 000 и 34 орудия, однако действия самого генерала и его полков были высоко оценены командующим Юго-Западным фронтом генералом Н. И. Ивановым. 28 апреля Государь наградил начальника дивизии орденом Святого Георгия III-й степени, офицерам были пожалованы боевые ордена, а нижним чинам – Георгиевские Кресты. С 12 мая генерал Л. Г. Корнилов как находящийся в плену был отчислен от должности.

Несмотря на прекрасный уход в австрийском военном госпитале, раны заживали медленно, и остаток своей жизни Лавр Георгиевич прихрамывал, а левая рука его не действовала. Эрцгерцог Иосиф, главнокомандующий одной из австро-венгерских армий, и другие высокие чины навещали русского генерала и считали за высокую честь познакомиться с ним.

В плену генерал Корнилов встречает солдат своей дивизии, в большинстве раненых и полуголодных, и обращается к ним для ободрения духа с приветственным словом. На его глазах выступают слезы. Солдаты бросаются к своему командиру, целуют его руки, полы одежды и плачут, как дети, – зрелище, потрясшее даже австрийских конвоиров.

Помещенный первоначально в замок Нейгенбах под Венной, Корнилов был затем переведен в замок Эстергази в венгерском селении Лека. В плену генерал продолжает изучать

местные языки, быт и нравы австрийской армии. Он неоднократно пытается бежать. Первый план – при помощи русского авиатора Васильева захватить австрийский аэроплан – был раскрыт, и Корнилова перевели в другой, более строго охраняемый лагерь, откуда бежать было сложно.

Специально перестав есть и всячески изнуряя себя, Л. Г. Корнилов попадает в госпиталь в местечке Кессиге. Здесь он посвящает в подробности плана своего побега русского врача Гудковского, а через вестового Д. Цесарского договаривается с фельдшером, чехом Ф. Мрняком, о помощи в побеге. Фельдшер добывает для генерала австрийскую военную форму ландштурмиста, деньги на дорогу и поддельные документы. 29 июня 1916 года среди бела дня Мрняк вывел заgrimированного русского генерала из госпиталя, и они оба по железной дороге направились к румынской границе.

Доктор Гудковский, больные и вестовой генерала скрывали побег. Однако отсутствие Л. Г. Корнилова на панихиде по умершему русскому офицеру вызвало подозрение у австрийцев. К тому же было найдено неотправленное письмо Мрняка родственникам, где он писал о готовящемся побеге. Начались усиленные поиски беглецов, к тому времени уже достигших конечной станции железной дороги. Избегая патрулей и застав на дорогах, питаясь кореньями трав и ягодами, переодетые теперь в гражданскую одежду, Корнилов и Мрняк направились через горы в сторону румынской границы. Не выдержавший голода чех зашел в кабачок, чтобы по-

есть и приобрести продукты. Он был опознан и схвачен жандармами, позже был предан суду и приговорен к смертной казни, однако наказание было заменено на 25 лет тюрьмы.

Не будучи в состоянии помочь товарищу, Корнилов продолжает дальнейший путь один. Проблуждав около месяца по лесу, генерал находит приют в шалаше у пастуха-славянина, который и выводит его наконец к Дунаю и указывает безопасное место для перехода на противоположный берег. Ночью 18 августа 1916 года Лавр Георгиевич пересекает румынскую границу.

Когда ранним утром 28 августа 1916 года на запыленной площади румынского городка Турну-Северян к русскому офицеру обратился, подавляя кашель, изможденный и заросший щетиной человек: «Я – генерал-лейтенант Корнилов! Дайте мне приют...» – изумлению не было предела. Через несколько дней бывший пленник уже в Бухаресте, откуда выезжает в Ставку Верховного Главнокомандующего и из рук Государя лично получает ранее пожалованную награду.

Отметим, что на сентябрь 1916 года по сведениям Ставки в плену числились 60 русских генералов. Бежал же один лишь Л. Г. Корнилов, что сразу сделало его знаменитым. Практически все газеты и журналы помещают портреты смельчака. В Михайловском артиллерийском училище в Петрограде в честь героя-выпускника выстраивается весь личный состав в парадной форме... Казаки станицы «Каркаралинской» из далекой Сибири присылают своему земляку

золотой нателный крест и 100 рублей денег... Побег Корнилова из плена вызывает взрыв патриотических чувств, в нем видят героя, смелого и решительного.

13 сентября 1916 года генерал Л. Г. Корнилов получает в командование XXV-й армейский корпус, однако уже через несколько месяцев для него, да и для всей России, начинаются новые страшные испытания.

* * *

С отречением Императора Николая II военный и морской министр А. И. Гучков и глава Временного Комитета Государственной Думы М. В. Родзянко пожелали видеть на посту командующего войсками Петроградского военного округа популярного среди солдат боевого генерала и Георгиевского кавалера Л. Г. Корнилова. И начать свою деятельность на этом посту первому «революционному» командующему пришлось с ареста Императрицы Александры Феодоровны 7 марта 1917 года. Сам генерал позже не любил вспоминать об этом факте своей биографии, тем более что многие ставили ему этот арест в вину.

Появление Корнилова в Петрограде, впрочем, имело свою предысторию. Дежурный генерал Главного Штаба, генерал А. П. Архангельский, свидетельствовал, что, когда начался хаос в столице, руководство Главного и Морского Штабов на совещании о путях восстановления снабжения Армии все-

ми видами довольствия, которое было приостановлено беспорядками, грозившими фронту неминуемой катастрофой, остановило свой выбор на генерале Корнилове. Выбор был утвержден собственноручной резолюцией Государя – «Исполнить» – 2 марта, за несколько часов до отречения. Таким образом, Лавр Георгиевич исполнял последнюю волю своего Императора.

Голословными остаются и обвинения Корнилова в неподобающем поведении при аресте Императрицы. С максимальной корректностью генерал сообщил Ее Величеству о решении Временного Правительства считать Царскую Семью арестованной, затем попросил всех выйти и остался с Императрицей наедине. Речь в это время могла идти о возможном переезде Августейшей Семьи в Англию. Когда генерал Корнилов выходил, Государыня поблагодарила его, а оставшись одна, заплакала... Исполнив этот тяжелый акт, генерал оградил Царскую Семью от многих неприятностей в эти тяжелые дни Их жизни. И все, кто видел тогда генерала, свидетельствуют о его сильном моральном потрясении...

Вообще же политические взгляды Л. Г. Корнилова один из деятелей Совета рабочих и солдатских депутатов характеризовал так: «В исполнительном комитете он говорил, что против царского режима. Я не думаю, чтобы Корнилов унизился до притворства. Несомненно, он сочувствовал реформаторским стремлениям. Но также несомненно, что он не был демократом, в смысле предоставить власть народу: как

всякий старый военный, он всегда был подозрительно настороже по отношению к солдату и “народу” вообще: народ славный, что и говорить, но надо за ним присматривать, не то он избалуется, распустится. Против царского строя он был именно потому, что власть начинала терять свой серьезный, деловитый характер. Хозяин был из рук вон плох, и нужен был новый хозяин, более толковый и практичный».

На своем высоком посту Корнилов, однако, не может принимать самостоятельных решений, хотя за все несет ответственность. Петроградский военный округ погряз в митингах и пьянстве, дисциплина упала до нуля, офицеры не могли сказать и слова без риска быть поднятыми на штыки. Страна по сути потеряла Армию и неизбежно катилась в пропасть хаоса и беспорядков. Временное Правительство и Совдеп путались в собственных распоряжениях, да их никто и не думал исполнять.

23 апреля 1917 года Лавр Георгиевич написал рапорт с просьбой вновь направить его на фронт, и военный министр счел возможным назначить его командующим Северным фронтом. Верховный Главнокомандующий генерал М. В. Алексеев возражал против такого решения, ссылаясь на недостаточный командный стаж Корнилова и говоря, что неудобно «обходить старших начальников – более опытных и знакомых с фронтом, как, например, генерал А. Драгомиров». Следствием этого стало назначение 29 апреля генерала Корнилова на пост командующего VIII-й армией (Юго-

Западный фронт).

Тогда же рядом с генералом появляется в качестве ординарца доброволец В. Завойко. Именно ему, неплохо владевшему пером, поручал Лавр Георгиевич составление тех документов, где нельзя было обойтись без литературной обработки и корректуры. Завойко стал буквально правой рукой генерала и немало сделал для роста авторитета командующего, составляя его речи и воззвания. Он же вспоминал о начале «знакомства» командующего армией с вверенными ему войсками. Резервные части устроили митинг и на все доводы о необходимости наступления отвечали отказом, всячески попрекая власти за продолжение «буржуазной» войны; на позициях же дело обстояло еще хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.